

3261/57

СЕРИЯ РЕВОЛЮЦИОННО-ИСТОРИЧЕСКАЯ.

№ 1.

ЕМ 161

Б 695

КАРП/РАДЕК.

X

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ БАЦИЛЛА.

(С портретом тов. Ленина).

Куб.-Чер. Областное Упр. Издательским Делом.
Г. Краснодар 1921 г.

БОЛЬШЕВИСТСКАЯ БАЦИЛЛА.

О ТОМ, КАК БОЛЬШЕВИСТ-
СКАЯ БАЦИЛЛА БЫЛА ОТ-
КРЫТА НЕМЦАМИ И КАК
ОНА БЫЛА ПЕРЕПРАВЛЕНА
ГЕНЕР. ЛЮДЕНДОРФом В
РОССИЮ.

EH 161

Б 695

Библиотека
Института Дарвина
Ц.Н.В.К.О.Д.

~~59/~~
~~9304~~

1426
26

~~72~~ 72 cl.
~~32~~

1058494

Большевицкая бацилла.

О том, как большевицкая бацилла была открыта (немцами и как она была переправлена генер. Людендорфом в Россию).

I.

Тов. Суварин просил меня написать об этом вопросе, крайне интересующем Францию, для праздничного номера „Юманите“.

Я с большой охотой согласился на эту просьбу и надеюсь, что этот рассказ будет интересен не только для французских рабочих.

Что касается развития бациллы, то об этом уже было написано много лет тому назад. Джемс Гильом, старый друг Бакунина и списывавший с него Ласкин, неоднократно рассказывали, как древний тевтон Карл Маркс произвел на свет божий большевицкую бациллу. А так как он был человеком лукавым и хотел скрыть немецкий характер коммунизма,—то он его приготовил из различного рода составных частей. Он взял учение английских экономистов, классиков, исторический опыт французской революции, использовал результаты идейной работы французских утопистов и расплавил их совместно в горне немец-

кой философии. Вы же знаете, что „бош“ никогда не оригинален, он лишь очень хитер, и постоянно, с дьявольским искусством из различных частей чужого изобретения творит что-либо очень полезное „бошизму“. Что было дальше с большевистской бациллой, которую произвел „бош“ Маркс, что с нею происходило в течение 67 лет со времени ее открытия—тоже известно. Она мирно жила в книгах и никому не вредила. И только, когда война слишком затянулась и генерал Людендорф не знал, как из нее выбраться, он переправил опасную бациллу в Россию. Правда, он сделал это по настоянию самих этих опасных зверей.

Как известно, в марте 17 г. в Петрограде вспыхнула революция. Если вы раскроете теперь „Тан“, „Матен“ или лондонский „Таймс“ за те дни, вы увидите, что эта революция не представлялась особенно страшной. Наоборот. Это была совсем, совсем приятная патриотическая революция во благо союзников. Может быть, в действительности, это не соответствовало истине, но, во всяком случае, так сообщалось в тех газетах, которые мы, коммунисты, читали в Швейцарии.

Плохие, как мы есть и были, мы заявили, что существуют и более достойные цели, для которых русские рабочие могут проливать свою кровь, чем интересы мирового капитала и интересы союзников.

Русские большевики хотели какой бы то ни было ценой добраться до России для того, чтобы принять участие в революции. Но каким путем могли мы добраться туда? Мы знали очень хорошо, что несмотря на притворно радостные заявления прессы союзников, представления английского и французского правительства о русской революции и об ее победе, разнились от наших представлений о ней. И благодаря этому, проезд через Англию и Францию нам казался чистой утопией. Того же мнения придерживался и дрессированный революционер Мартов, которому принадлежала мысль о том, чтобы Петроградский Совет Р. К. Д. потребовал разрешения от Англии и Франции на наш проезд: а в случае если бы эта попытка не удалась, попробовать добиться разрешения на проезд от Германии. Ленин, который, как всем известно, является скеттиком, не верил в получение разрешения ни от союзников, ни от Германии. Он был целиком захвачен мыслью о нелегальном проезде через Германию. Он требовал, чтобы мы достали для него и Зиновьева нелегальные шведские паспорта.

Мы заявили ему, что, ведь, ни он, ни Зиновьев по шведски не говорят. Полный отчаяния, он просил нас достать два паспорта для немых. Но так как нам казалось сомнительным, чтобы мы в шведской партии нашли двух немых, которые к тому же и внешними своими признаками походили бы на Ленина и

Зиновьева, то мы решили точно выяснить, нельзя ли осуществить предложения Мартова. Последний телеграфировал Чхеидзе, тогдашнему председателю Петроградского Совета Р. К. Д., а я в присутствии Пауль Леви, который тогда находился в Швейцарии, имел разговор с корреспондентом „Франкфурт Цейтунг“, — если память мне не изменяет, — с д-ром Дайнгартом, о том, не может ли он запросить немецкого посланника Ромберга о возможности согласия со стороны немецкого правительства на проезд русских политических эмигрантов через Германию. Когда он нам сообщил, что Ромберг согласился на переговоры с нами, то мы для этой цели уполномочили Роберта Гримма.

Мы дали ему письменную инструкцию. В ней требовали мы пропуска для всех эмигрантов, которые хотят ехать, без отвода со стороны немецкого правительства кого бы то ни было. Мы требовали, чтобы только комитету, избранному самими отъезжающими, принадлежало право контроля списка отъезжающих, и чтобы немецкое правительство во время нашего переезда не делало попыток вступить с нами в сношения. Со своей стороны мы обещали сделать все как для облегчения положения немецких военнопленных в России, так и для ускорения возвращения инвалидов из России. Роберт Гримм имел собеседование с Ромбергом, и сообщил, что хотя Ромберг

крайне был удивлен требованиями выставленными нами, однако, по телеграфу сообщил о них в Берлин. Так как уже и тогда у нас возникли некоторые сомнения на счет Гримма, то мы предложили ему к дальнейшим переговорам привлечь Фрица Платтена. Гримм отсоветовал, ссылаясь на то, что при дальнейших переговорах с Ромбергом дело может касаться и большего, и что Фриц Платтен, хотя и прекрасный революционер, но дипломат плохой. Это замечание заставило нас совершенно отказаться от услуг Гримма, не потому, что мы его считали политически бесчестным человеком, но мы знали, что он очень честолюбив, стремится играть большую политическую роль, и мы боялись, что он может использовать переговоры об условиях проезда также для переговоров и о мире, могло получиться при его представлении, что за его спиной стоим мы. Дальнейшие переговоры вел Фриц Платтен и мы были уверены, что этот „невежливый“, прямой, товарищ ни к каким дипломатическим трюкам не прибегнет. Прошло немного времени и Ромберг, от имени немецкого правительства, из'явил согласие на наши требования. Нам, разумеется, было совершенно ясно, что немецкое правительство собирается спекулировать на этой истории, рассчитывая, что по приезде в Россию мы будем работать в пользу мира. В своей же собственной стране оно надеялось само справиться с мирными тенденциями.

Эти комбинации нас мало занимали, так как мы знали, что если в России революция примет пролетарский характер, то влияние ее скажется далеко за пределами России.

Таким образом, все было готово к от'езду. Группа Мартова имела принципиальные возражения против поездки, она ждала еще ответа от Чхеидзе, чтобы застраховать себя в будущем от упреков, с чьей бы стороны они ни исходили, Мартов никогда не делает революции без того, чтобы не заручиться нотариальным удостоверением, что иначе он не мог поступить. Так готовились мы к от'езду. Мы знали, что переезд через Германию вызовет целый ряд упреков по адресу большевиков.

Ленин считался даже с возможностью политического процесса, и все участники поездки должны были подписать заявление о том, что им известна возможность такой опасности. Но другого выхода у нас не было. Было ясно, что ни Англия, ни Франция не пропустят нас через свои границы. Это наше предположение подтвердилось. Все попытки Чхеидзе в этом направлении ни к каким результатам не привели и через две недели после нас и группа Мартова проехала через Германию. Нужно было документы, относившиеся к поездке, собрать и копии с них оставить за границей. Лорже из Франции, Леви из Германии, Бронский из Польши и Платтен из Швейца-

рии подписали протокол об условиях нашей поездки. Я говорю—мы, так как также и я, хотя не русский, а польская овечка из Габсбургского стада, должен был также тайком прошмыгнуть через Германию, для того, чтобы из Стокгольма, откуда сообщения с Петроградом были легче, чем из Швейцарии, позаботиться о том, чтобы большевистская бацилла, транспортированная Людендорфом в Россию, нашла обратно дорогу в Германию.

Легально я не мог проехать, оставалось нелегально вместе с русским поездом прошмыгнуть через Германию. Закончив наши работы в Берне, мы выехали в Цюрих, где мы приняли последние приветствия от наших друзей, последние проклятия патриотов и отбыли в Германию.

II.

Было уже вечер, когда наш поезд прибыл на пограничную станцию. Нас было сорок человек с детьми и багажом. Немецкая пограничная стража встретила нас и отвела в таможенную. По условию, ни наши бумаги, ни наш багаж не должны были подвергнуться контролю. Оставалось только пересчитать нас для какой цели мужчины и женщины сгруппировались в разных углах комнаты. Посреди комнаты, на столе, стоял пятилетний белокурый гражданин Моисеева вероисповедания, составлявший единственную собственность одной товарки из Бунда. Нельзя сказать, чтобы наше

настроение в этот момент было особенно приподнятым. Тонкая, нервная система ребенка чувствовала, что происходит что-то необычайное. Осмотрев всех кругом, ребенок спросил на разговорном еврейском языке, от которого, как всем известно, и произошел немецкий язык: „Мамочка, что это тут происходит?“

Этот вопрос, прозвучавший в тишине, рассеял наше напряженное состояние. Мы погрузились в вагоны, при чем организаторские способности русских эмигрантов восторжествовали в полной мере. Прошло довольно много времени, пока каждый нашел свои ноги и пристроился на месте. И тогда поезд тронулся. Нам было предоставлено два вагона: одно купе занимали сопровождавшие нас немецкие офицеры, с которыми Фриц Платтен, как первый дипломатический представитель будущей Советской России, вел сношения. На одной из станций мы получили маленькие котлеты, которые отнюдь не говорили о блестящем состоянии продовольственного дела в Германии, иза которые мы заплатили по две марки, что тогда нам казалось очень большой суммой. Во время поездки среди нас царил большое оживление. Сыпались шутки, велись политические споры, и только один Сокольников сидел в сдержанной позе знатного иностранца.

Вечером водворилось такое веселие, что Ленин, присвоил себе исполнительную власть, пригрозил раз-

единить меня с одной товаркой, имени которой я тут не назову,—если смех не прекратится. Большие затруднения вызвал также вопрос о пользовании изолированными комнатами, так как из-за присутствия детей запрещено было курить в купэ, и курильщики всегда мешали тем, кому надо было пользоваться этими комнатами. Наконец, вопрос этот был разрешен созданием карточек А и Б, при которых имевшие карточки А пользовались преимуществом. С исторической точностью трудно установить, кто был великий инициатор этого дела. Рано утром пришел Платтен с известием, что в поезде находится Янсен, который на „немецкой земле“ хочет нас приветствовать от имени центральной комиссии немецких профсоюзов. Было ясно, что дело идет о попытке позондировать почву со стороны хитрой лисы Легина, и что Парвус также не совсем не причастен к этому делу, так как Янсен был не только дипломатом при особе Легина, но главным сводником и при Парвусе (во всех отношениях). Мы отказались от разговора, Платтен взял у Янсена газеты для нас и отвел его в офицерское купэ, где он и нашел себе пристанище.

Для меня эта история закончилась очень грустно.

Из опасения, что меня Янсен может узнать, меня спрятали за баррикадой из сундуков, где я пробыл довольно много времени, читая газеты, которые принес нам Янсен.

В Франкфурте-на-Майне немецкие солдаты, находившиеся на вокзале, узнали, что в поезде находятся русские революционеры. Они прорвали кордоны из шпионов и проникли в наши вагоны, каждый с двумя бокалами пива в руках. Пиво оказалось очень плохим. Видно уже было, что немецкому благополучию приходит конец. Но солдаты были добрыми рабочими ребятами и задавали только один вопрос: когда же наступит мир? Из разговора выяснилось, что большая часть из них принадлежит к шейдемановской партии, что было очень печально. В Берлине наш вагон был окружен шпионами, дежурившими до тех пор, пока поезд не тронулся. Наконец, мы на пароходе. Изголодавшиеся, набросились мы на шведские яства. Был прекрасный день, свежий ветерок дул с моря. Ленин бегал по палубе и все время спрашивал, не посинели у него нос, что по наблюдению моряков, должно быть признаком близкой внутренней бури. Но все сошло благополучно. Мы получили радиотелеграмму, извещавшую, что в шведском порту нас ожидают Ганецкий и секретарь шведской партии, тов. Шторм. Так это и было в действительности. Но нас ожидало еще большее удовольствие. Шведские товарищи заказали прекрасный ужин, который сорок „бацилл“ уничтожили с невероятной быстротой. Кельнеры ресторана смотрели на нас, как на банду варваров. Затем мы отправились на вокзал и утром следующего дня были уже в Стокгольме.

У нас не существовало еще тогда статистического бюро. Потому я не могу сказать, сколько раз мы завтракали. В Швеции вообще завтракают целый день. Я не могу также сказать, сколько раз мы фотографировались. В Швеции фотографируются также при всяком удобном случае, правда, за исключением тех часов, во время которых завтракают и не считают возможным себя беспокоить. В гостинице „Регина“, где мы провели почти весь день, было организовано собрание; на котором мы осведомили шведских товарищей об условиях нашей поездки и о полученном нами после приезда в Стокгольм известии, что Парвус, от имени лидеров германской социал-демократической партии, требует официальных переговоров.

Это было отклонено.

Из важных событий этого дня следует отметить, что после больших споров удалось уговорить Ленина купить себе пару брюк и обувь, так как его ботинки были подбиты гвоздями, а ведь, поблизости Петрограда нет Мон-Блана. Когда я в ноябре 1918 года, после захвата власти большевиками, приехал в Петроград, я увидел на Ленине те же стокгольмские брюки, уже порядочно истрепавшиеся.

В Стокгольме тогда жил Воровский теперешний советский посол в Риме и Ганепкий, посол в Риге. Я, австрийский подданный, не мог поехать в Россию. Поэтому я вместе с ними был оставлен там в качестве заграничных представителей.

Тут мы получили 300 шведских крон, которые, вероятно, и были той огромной суммой, которая фигурировала во всех рассказах французских патриотов в виде немецкого золотого фонда, снабжавшего русскую революцию. В течение семи месяцев, которые мы провели в Стокгольме за большой интернационально-пропагандистской работой, мы не получали из Петрограда и не посылали туда ни одной копейки.

Война порождает войну. Мы прилагали все усилия, чтобы сообщения „Правды“ и „Вестника Русской Революции“ помещались в буржуазной прессе, за что они щедро оплачивались.

Вечером Ленин с товарищами уехал в Россию. Его провожали шведские товарищи. Когда поезд уже удалился, какой-то русский патриот произнес патетическую речь, в которой убеждал Ленина не причинить вреда России. Но Ленин не дослушал конца этой речи, так как поезд уже отходил от станции и по этому организовал Октябрьскую революцию. Так часто в истории малые причины вызывают большие последствия.

Вот правда путешествия большевиков по Германии в так-называемом „пломбированном“ поезде, который, в сущности, был без пломб.

И если бы я даже предстал перед судом союзников, который все еще ожидает Вильгельма, я не мог бы ничего больше ~~добавить~~.

Института Ленина Карл Радек.

1058494

Цена 5 тыс. руб.

Серия революционно-историческая.

№ 1. *Карл Радек*. Большевицкая бацлла.

№ 2. *А. Шотман*. Тов. Ленин в подпольи.

Готовятся к печати.

№ 3. *Батурип*. Таманская армия.

№ 4. С. Д. Одарюк (биография и воспоминания).

№ 5. Первые советы на Кубани.

№ 6. И. А. Серадзе (биография и воспоминания).

№ 7. И. А. Перов (биография и воспоминания).

№ 8. И. А. Кочубей (биография и воспоминания).

№ 9. *С. В. Петренко*. Правда о Сорокине

и другие биографии революционных деятелей Кубани-Черноморья (Яковлева, Матвеева, Бушко-Жуко, Ковтюха, Федько, Батурина, Озерова, Кочергина, Воронова, Демуса и пр.).

Редакционная Коллегия при Куб.-Черн. Обл. Управлении издательским делом обращается ко всем с просьбой присылать биографии товарищей, принимавших участие в борьбе и воспоминания о их деятельности.
